

Страстный художник революции Всеволод Вишневский сегодня обращается к потомкам... Шумят, грохочут волны моря,

на экране обыкновенные титры. Но ты уже охвачен волнением, ждешь встречи с героями «Оптимистической трагедии», пьесы, вошедшей в золотой фонд советского театра.

Драматург, как известно, не хотел экранизировать свою трагедию. Может быть, ему было трудно предположить, насколько убедительно прозвучит перевод его пьесы на язык кинематографа? Пьеса — театральна, патетична. И вдруг — кино. Не умрет ли на планке патетика, не угаснет ли пафос? Ведь принято думать, что кино говорит очень простым языком...

Сложная задача встала перед режиссером. Не уйти от Вишневского, может быть, даже обогатить его трагедию художественными средствами кино и в то же время избежать театральности.

ВИШНЕВСКИЙ И КИНО

Да, Вишневский — и кино. Широкоформатная картина (кдР) за кадром открывает бурлящий, громадный океан революции — революции человеческого духа, мысли, сознания.

Фильм воскрешает волнующие боевые эпизоды гражданской войны — дни рождения и революционной закалки первых отрядов Красной Армии.

Оклинаются, и в наше время, через много лет после «Броненосца «Потомкина», после «Мы — из Кронштадта»,

ОКРЫЛЯЮЩАЯ РОМАНТИКА РЕВОЛЮЦИИ

после длительной полосы увлечения подчеркнутой простотой языка лучших неореалистических фильмов, можно выйти к зрителю с открытым, страстным голосом революционной патетики, даже дать слово матросам-ведущим. Очень смелый и оправданный шаг.

Между пьесой Всеволода Вишневского и сценарием Самсона Самсонова и жены покойного драматурга Софьи Вишневецкой нет существенной разницы. Та же идейная основа, те же образы, та же фабула. Но для человека, знакомого с текстом пьесы, постепенно становится ясно, что в драматургическую ткань фильма тонко кое-где вкраплены новые элементы.

Масштабность — истинная, глубинная, без всякой помпезности — свойственна этому фильму. Масштабность человеческих характеров. Масштабность борьбы. Великой всемирно-исторической борьбы, открывшей новую эру в истории человечества. Многие эпизоды фильма, особенно те, что связаны с действиями больших масс людей, действиями полка, эпизодов боев и походов, с особой убедительностью выявляют масштаб событий.

Очень важно было для режиссера и в этом не повториться. Уже не однажды бывали на советском экране

фильмы с боями и походами. Но «Оптимистическая трагедия» несет в себе открытие и в том смысле, что мы чувствуем праздничное напряжение революционных масс. Ведь Ленин говорил, что револю-

во власти Вожак и его подручных — Сиплого и Алексея. Какой необыкновенный конфликт: интеллигентная, красивая молодая женщина с пламенной душой большевика — и опьяненная полной свободой

не фанатизм, а глубокая и светлая вера в правоту дела, которому она посвятила себя.

И даже когда Комиссар умирает, умирает молча, кажется, что она тяжело задумалась о судьбе родного теперь ей полка, которому шагать дальше, о судьбах революции. Ей докладывает склонившийся над ней Командир, докладывает

о победе, а она все молчит, молчит и как бы думает... Потому она для нас и не умирает, как никогда не умирают любимые герои.

ВОЖАК

Думается, Вожак в исполнении Бориса Андреева — сложнее, значительнее того, каким он рисуется мне по пьесе. Это не просто анархист, он — тиран. Между анархизмом и деспотизмом есть нечто общее. И там и тут отрицание закона, обязательного, равного для всех, ставка на страх, на подавление человеческого достоинства.

Андреев играет гнусного в своей звериной сущности негодяя. Интрига — подлая, грязная, насилие, убийство, самосуд, демагогия — вот средства его борьбы. Отвратительная природа анархизма нашла свое логическое развитие в фашизме. За Вожакон угадываются черты фюреров и ку-клуксипановских громил, образ поднимается до остроты современного звучания. Он —

предельно достоверен. Тяжелый шаг, сдержанные жесты человека, привыкшего властвовать, цепкие, холодные глаза. Изворотливый, демагогически изощренный взг, победа над которым далась нелегко.

ПАТЕТИКА СЕГОДНЯ

Вишневский живет сегодня, он вышел на экран к миллионам и миллионам зрителей, зрителей шестидесятых годов, знающих цену подлинной и мнимой искренности, переживших время помпезной живописи и скульптуры, когда с множества попутен смотрело одно суровое лицо...

Современный зритель не принимает на веру лишь символически выраженный патетический образ, жест, патетическое слово, он хочет до конца понять их конкретное содержание. И режиссер Самсон Самсонов, сознавая это, вышел к зрителю с фильмом, сегодня глубоко волнующим своей проблематикой, и вместе с тем выраженной яркими, убедительными и доходчивыми художественными средствами.

«Оптимистическая трагедия» Всеволода Вишневского начала свою жизнь на экране. Романтика революции, отлично воссозданная в фильме, окрыляет моих современников, и прежде всего молодежь. «Которой так важно всегда знать — с кого делать жизнь, какому примеру следовать».

Афанасий САЛЫНСКИЙ,
писатель.

33 стр. 26 сентября 1963 г.

ЗАМЕТКИ О ФИЛЬМЕ «ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

ция — это праздник, праздник борьбы за свободу, праздник освобождения от векового гнета эксплуататоров, подавлявших живую душу народа. И вот этот характер — окрыленность революционной мыслью, целью борьбы — проведен через все массовые эпизоды фильма, в тех его звеньях, где полк волею Комиссара, волею партии становится одним из железных отрядов революции.

КОМИССАР

Героине фильма драматург не дал имени. Комиссар — вот ее имя и ее существо... Гулко стучат каблучки ее сапог. Она появилась на палубе военного корабля. Волевая походка. Нежное, юное, но уже суровое лицо человека, может быть, не однажды смотревшего в глаза смерти.

Отважно входит она, втискивается в яростно ревущую толпу анархически настроенных матросов, возбужденных вестью о назначении комиссара. Здесь далеко не все анархисты. Но корабль фактически

анархическая бунтующая масса матросов, готовых убивать и насиловать...

Маргарита Володина играет Комиссара для современного зрителя весьма современно. Каждое ее слово полно мыслью — мыслью, рожденной у нас на глазах. Собственно, в этом, пожалуй, и состоит самое примечательное свойство созданного ею образа. Актриса с покоряющей естественностью раскрывает лабораторию революционной мысли. И в стремительных схватках с Вожакон и Сиплым, где каждое слово — острый удар, и в редко случающихся тихую минуту раздумья, и в спорах с Алексеем и Командиром, и в других эпизодах, где Комиссар просто молчит и наблюдает, она живет мыслью, ее трепетным, тревожным ходом... Живые, умные глаза, волевая собранность в каждой черте лица, в каждом жесте, в каждом слове.

Все время веришь в ее убежденность. И видишь, что это

ЗНАМЯ ЮНОСТИ
МАЯК

211